

Бадаева Айшат Салаудиновна

ИНТЕРРОГАТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА, ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛА И ОТНОШЕНИЕ К КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ

Статья посвящена проблеме категориальной принадлежности вопросительных и отрицательных форм глагола в кавказских языках, относительно природы которых в кавказоведении существуют противоречивые мнения. Вопрос главным образом заключается в отношении значений негатива и интеррогатива к модальности и категории наклонения. Автор дает характеристику этих отношений и обосновывает место рассматриваемых форм в системе глагола вне рамок системы наклонений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 72-76. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Мы остановились коротко на некоторых примерах оценки явления «успех» в русском и американском варианте английского языка. Они являются только частью информации о ценностных аспектах смысла, которая аккумулируется носителями этих языков в концепте *успех*. Мы считаем, что ценностям и формулируемым на их основе оценкам следует уделять большое внимание в процессе изучения любого языка как иностранного.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Болдырев Н. Н. Языковая оценка в контексте познавательных процессов // Сборник научных трудов в честь В. Ф. Новодрановой / Институт языкознания РАН; Московский государственный медико-стоматологический университет. М.: Авторская академия, 2010. С. 47-56.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
4. Иванова Н. С. Ценностные аспекты на разбрането (концептът «успех» в българската, руската и британската речева практика). Бургас, България, 2012. 199 с.
5. Кабирова Г. У. Оценка как языковой концепт // Актуальные вопросы филологических наук: материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). Чита: Молодой ученый, 2011. С. 85-87.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Издательский центр «Гнозис», 2004. 390 с.
7. Ключников С. Ю. Фактор успеха: новая психология саморазвития. М.: Беловодье, 2002. 480 с.
8. Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 12.11.2016).
9. Михайлова О. В. Экспликация понятия «успех» в американском культурно-историческом контексте // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2008. № 307. С. 48-50.
10. Михайлова О. В., Турченко В. Н. «Успех» как интерсубъективная социально-философская категория // Инновационные процессы и технологии в современном обществе: материалы межвуз. науч.-практ. конференции. Новосибирск: Архивариус-Н, 2006. С. 103-108.
11. Согомонов Ю. С. Генеалогия Успеха и Неудач. М.: ООО «Солтэкс» при участии ООО «Невский Простор», 2005. 384 с.
12. Стернин И. А. Американское коммуникативное поведение. Научное издание. Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. 224 с.
13. Cambridge Dictionary of American English (CDAE). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 1120 p.
14. Humbert P. Creating Systems for Automatic Success! Eugene (USA): The Philip E. Humbert Group Inc., 2001. 236 p.
15. Vurnum G. The Hidden Secret in Napoleon Hill's "Think and Grow Rich" [Электронный ресурс]. URL: www.vurnum.com/hiddensecret (дата обращения: 22.10.2016).

**LINGUO-CULTURAL PECULIARITIES OF EVALUATIVE PREDICATES
OF THE CONCEPT "SUCCESS" IN THE RUSSIAN AND AMERICAN ENGLISH**

Andrienko Anna Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University, Rostov
ann-andrienko@mail.ru

The article examines verbalized evaluations of the concept "success" in the Russian and American English. Describing in detail the concept "success" and its relations with the historically adopted meaning of the mentioned concept the author emphasizes the importance of evaluative component as a complicated cognitive process of secondary categorization and conceptualization. Analyzing the examples from the modern publicistic and media-discourse the author discovers the linguo-cultural specifics of evaluative predicates in the languages under study.

Key words and phrases: evaluation; concept; linguo-culture; evaluative predicates; evaluation verbalization.

УДК 81'362;81'366.5

Статья посвящена проблеме категориальной принадлежности вопросительных и отрицательных форм глагола в кавказских языках, относительно природы которых в кавказоведении существуют противоречивые мнения. Вопрос главным образом заключается в отношении значений негатива и интеррогатива к модальности и категории наклонения. Автор дает характеристику этих отношений и обосновывает место рассматриваемых форм в системе глагола вне рамок системы наклонений.

Ключевые слова и фразы: чеченский язык; кавказские языки; глагол; наклонение; негатив; интеррогатив; грамматическая семантика; морфология; грамматические категории.

Бадаева Айшат Салаудиновна
Академия наук Чеченской Республики
b_ayshat_s@rambler.ru

**ИНТЕРРОГАТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА,
ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛА И ОТНОШЕНИЕ К КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ**

Вопрос наклонений в чеченском, да и в других языках нахско-дагестанской группы – один из самых противоречивых по предлагаемым различными авторами решениям. В системе наклонений у кавказоведов

значительных разногласий не вызывают разве что индикатив и императив, которые выделены всеми исследователями, рассматривавшими в своих работах категорию наклонения. Остальные формы, выделяемые в различных работах в качестве наклонений, встречаются не у всех авторов и в различных комбинациях образуют номенклатуру наклонений, насчитывающих в работах по чеченскому и ингушскому языкам от трех до десяти форм. К таким неоднозначно трактуемым формам относятся также вопросительные и отрицательные формы. Проблема категориальной принадлежности вопросительных и отрицательных форм (или так называемых интеррогатива и негатива) состоит главным образом в понимании таких категорий, как модальность и наклонение. В настоящей статье мы постараемся раскрыть глубже грамматико-семантические особенности рассматриваемых форм, а также определить их отношение к упомянутым категориям и обосновать точку зрения, рассматривающую значения интеррогатива и негатива вне поля модальности и категории наклонения.

Вопросительную форму в чеченском языке в рамках категории наклонения рассматривают Н. Ф. Яковлев, Т. И. Дешериева, А. Д. Тимаев, А. И. Халидов и др. [8; 20; 21; 22; 24]. Интересно, что Ю. Д. Дешериев, не рассматривающий вопросительную форму как наклонение ни в чеченском и ингушском языках, ни в хиналугском, приводит ее, однако, в номенклатуре наклонений бацбийского языка [5; 6; 7]. Отрицательная же форма им рассматривается как форма наклонения и для чеченского языка, как и в работе Р. И. Долаковой [9]. З. К. Мальсаговым обе формы приводятся в качестве вопросительной и отрицательной форм индикатива [13].

Не менее разноречиво выглядит картина по данной проблеме во многих других кавказских языках. С. Н. Абдуллаев [1] и Р. И. Гайдаров [4] выделяют вопросительное наклонение в даргинском и лезгинском языках. У. А. Мейланова в системе наклонений в лезгинском рассматривает наряду с вопросительным также отрицательное наклонение [14]. Вопросительное выделено и А. Е. Кибриком в хиналугском языке [10]. Также оно указано в работе Г. И. Мадиевой, посвященной аварскому языку [12]. А. К. Шагиров в кабардинском языке рассматривает пять наклонений с вопросительным значением различных оттенков. Однако отрицание им рассматривается как формообразующая категория внутри некоторых наклонений [23]. В таком же свете характеризуются положительные и отрицательные формы абхазского языка К. В. Ломтатидзе [11].

Как мы видим, многие исследователи чеченского и других кавказских языков рассматривают вопросительную форму в системе наклонений. Негативные формы в качестве наклонений выделяются реже. В вайнахских языках – это форма, отрицающая действие в реальной действительности, в некоторых дагестанских языках – запретительная форма императива или так называемый прохибитив.

Причиной таких разночтений в системе наклонений относительно вопросительной и отрицательной форм является не только недостаточная исследованность многих глагольных форм и отглагольных дериватов, осложняющая определение их места в системе глагола, а также их частеречную принадлежность, но и разный подход к понятию модальности, которое связано с категорией наклонения непосредственно. При широком понимании термина модальности (с включением в него значений коммуникативной целеустановки, отрицания, вопроса, различных эмоциональных оттенков) и понимании наклонения как единственного морфологического средства ее выражения взаимоисключаемость всех значений, относимых сторонниками широкого понимания модальности к этому термину, становится практически невозможной в языках с преимущественно синтетическим выражением разноплановых грамматических значений.

1. Под отрицательным наклонением в чеченском и ингушском языках имеют в виду, как правило, форму, образующуюся при помощи аффикса *-ц*, который присоединяется к основе инфинитива. Отрицательный глагол в нахских языках не имеет различных временных форм, однако существующая форма имеет конкретное временное значение, а именно – настоящего. Отрицательное наклонение адыгейского языка, выделяемое в своей работе Н. Ф. Яковлевым, также обозначено им как эквивалент отрицания изъявительного наклонения в русском языке, однако, в отличие от отрицательной формы вайнахских языков, форма в адыгейском имеет развитую систему видовременных форм [25, с. 343]. В некоторых дагестанских языках, как было отмечено выше, выделяют негативную форму повеления (так называемый прохибитив), которая образуется также морфологическим путем при помощи префикса *ма-*.

Как мы видим, в различных кавказских языках под негативным наклонением подразумеваются различные по своему генезису, а также морфологическим особенностям формы. Общим для них является синтетический способ образования и негативная семантика, накладывающаяся, однако, на различные иные грамматические значения. Аргументами, наиболее часто приводимыми в пользу отнесения негативных форм глагола к системе наклонений, являются, как правило, синтетический способ образования этих форм, а также видение негативной семантики в поле модальности.

Одной из причин выделения тех или иных отрицательных форм в кавказских языках в качестве наклонений явилась, возможно, и неоднородность средств выражения отрицания для различных наклонений. Для чеченского, например, языка мы видим различные средства выражения отрицательной семантики в разных наклонениях. Это частица *ма* для оптатива (*ма дахъара*, *ма дойла*, *дина ма делара*) и императива (*ма де*, *ма делахъ*, *ма дайша*), частица *ца* для синтетических форм индикатива (*ца до*, *ца дина*) и отрицательный глагол *дац* вместо *ду* для конъюнктив и формы будущего фактического (*дийр дац*, *дийр дацара*). Рассматриваемая нами форма, образуемая путем прибавления суффикса *-ц*, который является усеченной формой отрицательной частицы *ца*, – единственная синтетическая негативная форма в чеченском и ингушском языках. То же можно сказать и о некоторых дагестанских языках, в которых выделен прохибитив как наклонение. То есть отрицание выделяют в качестве наклонения в том случае, если оно имеет морфологическое выражение.

Если рассматривать отрицательность как модальное значение, то такой подход вполне правомерен, поскольку так или иначе речь идет о морфологически оформленном грамматическом значении. А морфологическим средством выражения модальности как раз и являются формы наклонения.

Однако, рассматривая содержание негативного значения вообще, мы не можем отрицать, что отрицание присутствует во всех наклонениях. Негативными могут быть значения как индикатива и императива, так и конъюнктива, юссива, опатива и т.д. Если же признать отрицание отдельным значением, не входящим в один ряд с перечисленными, то не представляется целесообразным относить отрицательные формы к наклонениям.

Более того, когда речь идет о негативной форме, существующей в вайнахских языках, вряд ли можно говорить о том, что данная форма как-то выводит высказывание из сферы реального. Говорящий не просто говорит о факте, не имевшем места в действительности, он сообщает именно о том, что факт не имеет места в действительности. То есть так или иначе мы получаем информацию о реальной действительности. Следует также обратить внимание и на то обстоятельство, что в различных языках существуют грамматические отрицательные формы, относящиеся к различным наклонениям и временным плоскостям. Так, прохибитив, достаточно широко распространенный в различных языках мира, является, по сути, негативной формой императива. Негативная же форма, отрицающая наличие факта в действительности, как рассматриваемая форма чеченского языка, скорее отрицание индикатива, как отмечал в своей работе Н. Ф. Яковлев [Там же].

Но является ли в таком случае отрицательная форма граммемой какой-либо грамматической категории, и какой, если является? Здесь мы не имеем оснований не согласиться с А. И. Халидовым, который отмечает, что «выражение отрицательной модальности – понятийной категории, имеющей отношение ко всему высказыванию (поскольку глагол является предикативным центром, основой всего предложения), высокая продуктивность соответствующих образований, охватывающая большое количество глаголов, употребление фактически только в одном – настоящем – времени (вопреки мнению Т. И. Дешериевой, что отрицательное наклонение имеет наиболее развитую временную парадигму) и отсутствие инфинитива (хотя *ditac*, *digac*, *lastadac* и др. образованы от инфинитива, сами глаголы выражают значение настоящего времени и не имеют форм прошедшего и будущего) заставляют считать, что отрицание, выраженное таким способом, входит в систему грамматических категорий языка» [22, с. 106].

2. Выше мы уже упоминали о категории утверждения-отрицания, выделяемой некоторыми исследователями. Более широко распространенным (и наиболее удачным, на наш взгляд) является термин «полярность» [15; 16; 20]. Под полярностью понимается категория, «элементы которой указывают, является ли данное высказывание утверждением или отрицанием» [15, с. 147]. Выделение отрицательности, таким образом, в отдельную категорию представляется нам более верным с позиции грамматико-семантических особенностей данных форм. К тому же такое решение является наиболее универсальным для различных языков, поскольку, как мы уже говорили, в различных языках морфологическим путем может выражаться негативное значение совершенно разных форм, но сама природа негативной семантики от этого не меняется. Надо также отметить, что подобные негативные формы глагола (будь то запрет на действие или отрицание действия в реальной действительности) присутствуют во многих языках мира и, как правило, не выделяются исследователями этих языков в качестве отдельных наклонений.

Вопросительное значение в чеченском языке маркируется посредством суффикса **-ий**, который присоединяется к основам различных форм. Надо отметить, что вопросительные формы в вайнахских языках могут образовываться от любой видовременной формы или формы наклонения глагола, а также от отглагольных неспрягаемых форм и именных частей речи. Таким образом, вопросительное значение во многих кавказских языках – это не особое значение уникальной формы, а регулярная грамматически оформленная семантика, которая накладывается практически на любые грамматические значения. Грамматичность этого значения не вызывает сомнений, поскольку, как было отмечено выше и по поводу негативных форм, данный аффикс не формирует единицу с новым лексическим значением, а лишь меняет ее грамматическое значение. Однако является ли это значение граммемой категории наклонения – вопрос, вызывающий не меньше разночтений, чем проблема негативных форм.

Основные проблемы, в которые упирается данный вопрос, – это проблема отношения вопросительного значения к полю модальности, а также подход к отношению модальности к категории наклонения. Мы можем, однако, сказать, что если модальность есть «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению)» [3, с. 237], то вопрос имеет отношение к модальности еще меньше, чем отрицание. Отношение к действительности уже выражено формой наклонения, интеррогативное же значение запрашивает информацию об этом действии, не выводя его за рамки действительности, обозначенной уже наклонением. Так, вопрос, образованный от форм изъявительного наклонения, запрашивает информацию о наличии действия в реальной действительности, вопрос от форм конъюнктива нацелен на действие нереальное, альтернативное, вопрос от императива также не выводит действие за пределы императивного значения.

Тот факт, что вопросительное значение сосуществует в одной словоформе со значениями различных наклонений, уже говорит, на наш взгляд, о том, что рассматривание вопросительного значения наряду с такими, как индикативное, императивное, конъюнктивное, опативное, – не самый удачный подход к проблеме. Вопросительными, как показывает практический речевой материал, могут быть формы различных наклонений; в чеченском языке, например, как минимум – индикатива, императива и конъюнктива. В таком случае получается, что некоторые формы совмещают в себе признаки различных граммем одной категории, что противоречит одному из основных правил категоризации единиц в системе языка, согласно которому «никакие два значения из этого множества (граммем одной категории) не должны выражаться в одной и той же словоформе одновременно» [17, с. 9]. Соблюдение этого принципа невозможно при широком понимании модальности и одновременном отождествлении с ним категории наклонения.

Однако, как мы уже говорили выше, вопрос, выражаемый в нахских языках грамматическим путем, несомненно, должен относиться к какой-либо грамматической категории. Различные исследователи либо относят интеррогатив к категории наклонения, либо выделяют отдельную категорию, элементы которой выражают утверждение или вопрос. Выделение такой категории представляется нам более обоснованным ввиду изложенных выше особенностей вопросительной семантики и ее соотношения с граммемами категории наклонения. В литературе встречаются термины «заявление-вопрос» [19] или «вопросительность» [22], отображающие значение данной категории. И. А. Мельчук рассматривает вопросительность как категорию, «граммемы которой указывают, является ли данное высказывание повествовательным или вопросительным», выделяя в качестве граммем декларатив и интеррогатив [15, с. 150].

Итак, изучив особенности грамматической семантики рассматриваемых форм, а также характер их соотношения с другими формами, маркирующими различные грамматические значения, мы можем сделать некоторые выводы относительно их места в системе глагола, а также их отношения к категории наклонения.

Интеррогатив и негатив, безусловно, являются грамматическими формами, а не новыми лексическими единицами в системе глагола. На это указывают регулярность образования рассматриваемых форм, а также наличие в парадигме глагола форм, которые исключают вопросительность и отрицательность в своей семантике, что указывает на то, что данные формы являются граммемами грамматической категории.

Нецелесообразно, однако, на наш взгляд, рассматривать интеррогатив и негатив в качестве наклонений наряду с изъявительными, императивными, оптативными и конъюнктивными формами. Во-первых, вопросительная и отрицательная формы не выводят высказывание из той сферы действительности, которая уже заявлена формой наклонения: как мы уже говорили, индикативная отрицательная форма отрицает действие именно в реальной действительности, а вопросительная форма, образованная от индикативных форм, запрашивает информацию о действии или бытии также в реальной действительности; так называемые запретительные формы являются негативными императивными формами, кроме того, в чеченском языке присутствует вопрос от императива, который также запрашивает информацию, не выводя высказывание из сферы императивной модальности. То же самое мы можем сказать о желательном и сослагательном наклонении и их вопросительных и отрицательных формах. Во-вторых, вопросительное и негативное значения накладываются на значения различных наклонений, а также друг на друга, что тоже свидетельствует о том, что данные значения не следует рассматривать в рамках единой грамматической категории, поскольку граммемы одной категории должны, по крайней мере, исключать друг друга. То есть, на наш взгляд, это равнозначно примерно тому, чтобы выделять номинатив в единственном числе и номинатив во множественном как два разных падежа, рассматривая множественность в поле грамматической семантики падежей.

Рассматривая, однако, интеррогатив и негатив в качестве грамматических форм, необходимо отнести их к каким-либо грамматическим категориям. Наиболее удачным из существующих терминов для определения категории отрицательности нам представляется термин «полярность», используемый некоторыми современными исследователями в области грамматики, с выделением негатива и позитива в качестве граммем данной категории [15; 16; 20]. Относительно вопросительного значения используются такие термины, как «констатация-вопрос» [19], а также «вопросительность» [15; 18]. В рамках данной категории выделяют в качестве граммем «интеррогатив» и «декларатив».

Список литературы

1. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1954. 216 с.
2. Адамец П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности // *Československá rusistika*. 1968. Т. 13. № 2. С. 88-94.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
4. Гайдаров Р. И., Гюльмагомедов А. Г., Мейланова У. А., Талибов Б. Б. Современный лезгинский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. 482 с.
5. Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык: фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М.: Издательство АН СССР, 1953. 383 с.
6. Дешериев Ю. Д. Грамматика хиналугского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 222 с.
7. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный: Чечено-ингушское книжное изд-во, 1963. 555 с.
8. Дешериева Т. И. Нахские языки // Языки мира: кавказские языки. М.: Academia, 1999. С. 166-173.
9. Долакова Р. И. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках // Известия ЧИНИИЯЛИ. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1961. Т. II. Вып. 2. Языкознание. С. 3-69.
10. Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянная И. П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: Издательство Московского университета, 1972. 382 с.
11. Ломтатидзе К. В. Абхазский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Academia, 1967. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. С. 121-123.
12. Мадиева Г. И. Аварский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Academia, 1967. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. С. 255-271.
13. Мальсагов З. К. Грамматика ингушского языка // Труды ЧИНИИ при Совете министров ЧИАССР. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. Т. V. 160 с.
14. Мейланова У. А. Лезгинский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Academia, 1967. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. С. 528-544.
15. Мельчук И. А. Курс общей морфологии / пер. с фр. В. А. Плунгяна; общ. ред. Н. В. Перцова, Е. Н. Саввиной. М. – Вена: Языки рус. культуры; Кошелев, 1998. Т. 2. Ч. 2. Морфологические значения. 543 с.

16. Муталов Р. О. Морфологический строй глагола даргинского языка: автореф. дисс. ... д. филол. н. Махачкала, 2003. 60 с.
17. Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику: учебное пособие. Изд-е 2-е, исправленное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
18. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 440 с.
19. Сумбатова Н. Р. Коммуникативные категории и система глагола (о некоторых типологических особенностях дагестанского глагола) // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / под ред. В. С. Храковского, А. Л. Мальчукова, С. Ю. Дмитренко. М.: Знак, 2004. С. 487-504.
20. Тимаев А. Д. Хинцалера нохчийн мотт. Лексикологи. Фонетика. Морфологи. 2-га аражкхар. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2007. 416 а.
21. Халидов А. И. Нохчийн меттаИлманан лугIат. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. 448 а.
22. Халидов А. И. Об отношении к морфологии «отрицательных форм» глаголов с суффиксом -с и «вопросительных форм» с суффиксом -ij // IV ежегодная итоговая конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета: сб. научных статей. Грозный, 2015. С. 102-108.
23. Шагиров А. К. Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 220 с.
24. Яковлев Н. Ф. Морфология чеченского языка // Труды ЧИНИИИЯЛ. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1960. 237 с.
25. Яковлев Н., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 462 с.

INTERROGATIVE AND NEGATIVE VERB FORMS, THEIR PLACE IN THE VERB SYSTEM AND RELATION TO THE MOOD CATEGORY

Badaeva Aishat Salauddinovna

Chechen Academy of Sciences

b_ayshat_s@rambler.ru

The article is devoted to the problem of categorial affiliation of interrogative and negative Caucasian verb forms the nature of which is vigorously discussed in the Caucasian studies. The basic problem can be formulated as follows: how the interrogative and negative forms are related to the categories of modality and mood. The author describes these relations and justifies the place of the mentioned forms in the verb system beyond the mood system.

Key words and phrases: Chechen language; Caucasian languages; verb; mood; negative; interrogative; grammatical semantics; morphology; grammatical categories.

УДК 81'1

Эмоциональная составляющая речи может быть явно или скрыто выраженной в зависимости от контекста дискурса, коммуникативного опыта личности или его намерений. В данной работе рассматриваются лексические средства французского и английского языков, участвующие в передаче и дешифровке имплицитного выражения различных эмоций. Декодирование интенций собеседника возможно при наличии эмоционального интеллекта, знания об эмоциональной ситуации и контексте, общей картины мира и фоновых знаний.

Ключевые слова и фразы: выражение эмоций; лексические средства языка; эмоциональная валентность слова; имплицитное содержание высказывания; категориальная эмоциональная ситуация.

Барышникова Галина Валерьевна, к. филол. н.

Дубинина Ирина Ивановна, к. филол. н., доцент

Волгоградский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

vlad_b@vistcom.ru; iidubinina@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДЕКОДИРОВАНИЯ ИМПЛИЦИТНО ВЫРАЖЕННЫХ ЭМОЦИЙ

На сегодняшний день в языкознании наблюдается усиление интереса к изучению тех языковых средств и закономерностей речи, которые влияют на психику и поведение человека. В связи с этим представляется важным формирование навыка, позволяющего извлекать имплицитное содержание, закодированное в высказывании.

Имплицитность является важной частью сложной и многомерной смысловой структуры, это особенная составляющая коммуникативного акта, которая дополняет и модифицирует эксплицитные компоненты. Как указывает Т. И. Яковенко, «понимание категории имплицитности предполагает наличие сложных системных отношений между способами выражения имплицитного смысла» [5, с. 5]. Имплицитные значения формируются на основе эксплицитных, развивают их, дополняют, обогащают семантику текста.

Рассматривая алгоритм извлечения имплицитного содержания [2], мы пришли к выводу, что определяющая роль в восприятии и декодировании имплицитного содержания принадлежит сложному интегрированному